

Отъ редакціи. И такъ, безспорно выяснено, что ни за неканоническое рукоположеніе, ни за непоѣздку въ Канаду держать далѣе епископа Михаила подъ запрещеніемъ не слѣдуетъ и нѣтъ основаній.

Что касается его „соблазнительныхъ для нѣкоторыхъ мыслей и выраженій“, то часть ихъ относится къ тому времени, когда еп. Михаилъ еще и не былъ старообрядцемъ, и слѣдовательно въ счетъ совсѣмъ не можетъ итти. Но и остальные отдѣльныя выраженія понадерганы изъ сочиненій еп. Михаила часто совершенно недобросовѣстно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не считаясь съ общей мыслью и направленіемъ автора. Если держась „ученаго“ „метода“ о. Карабиновича „надергать“ мыслей даже изъ священнаго писанія, то и по нему выйдетъ, что „нѣтъ Бога“, что „нѣтъ загробной жизни“, что Богъ—„тать“ и т. д. Столь „добросовѣстную критику“ о. Карабиновича вполнѣ по заслугамъ, спокойно, корректно, но уничтожающе уже разобралъ еп. Михаилъ на страницахъ нашего журнала и отъ всѣхъ навязываемыхъ ему, и ему не принадлежащихъ, неправославныхъ мыслей отказался. Чего же еще нужно? Не запросы письменные нужно ему посылать отъ собора, а *обязательно* пригласить его на соборъ, выяснить весь вопросъ и недоразумѣнія въ его присутствіи и соотвѣтственно съ результатами поступить.

Письмо епископа Михаила.

Глубокоуважаемые Ѳедоръ Евимовичъ, Никифоръ Дмитріевичъ и Владиміръ Евсѣевичъ!

Пишу больной, съ трудомъ и тяжело скорбнымъ сердцемъ. По особеннымъ обстоятельствамъ я не смогъ пріѣхать къ первому дню собора. Въ дополненіе къ одному несчастному происшествію, смутившему меня, 26 числа я получилъ новую печальную новость изъ Симбирска, гдѣ заболѣлъ тяжело мой племянникъ,—и я поѣхалъ на родину въ увѣренности, что до моего дѣла не дойдутъ *ранѣе* 27 августа — за дѣлами большого значенія, — когда я и рѣшилъ заѣхать на соборъ. Но вотъ узнаю еще 26-го утромъ, что мое дѣло оставлено безъ разсмотрѣнія.

Что мнѣ дѣлать? Можно ли было пріѣхать на соборъ послѣ такого рѣшенія, мнѣ, туда не приглашенному?

Уже совершенно больной и разбитый, продолжаю путь на родину. Я не желалъ много,—я не желаю епископской епархіи, боясь по неопытности оскорбить кого-нибудь изъ вѣрныхъ, меня тяготитъ только невозможность отслужить литургію для своей души, для своего полнаго „причастія“, но я былъ бы радъ, если бы мнѣ позволили хоть не публичное, а частное богослуженіе, иногда, на безлюдьи, для себя...

Почему дѣло не разсматривалось? По моей неявкѣ,—но она не выяснилась еще въ первый день собора. Да и не приглашали меня на соборъ.

Чего отъ меня требуютъ? Мнѣ это положительно неизвѣстно. Если вопросъ о моемъ „исповѣданіи“,—то я далъ одно—и готовъ подписать составленное соборомъ, даже *не читая, вѣруя*, что соборъ, созванный волею Духа Божія, изъ отцовъ, мнѣ извѣстныхъ,—не можетъ быть погрѣшительнымъ въ вопросахъ вѣры. Да и какое требуется исповѣданіе, кромѣ Никео-Цареградскаго, святѣйшаго изъ всѣхъ и довлѣющаго христіанамъ? Я не поѣхалъ въ Канаду второй разъ послѣ неудачной первой попытки, но вѣдь въ 1910—11 гг. меня не пустили туда, и вообще за границу, привлекая къ суду по несуразному обвиненію въ передачѣ издателю не моей и неизвѣстной мнѣ по содержанію брошюры,— по просьбѣ ея автора (имя котораго было указано передатчицей). Дѣло это погашено манифестомъ только въ 1913 году.

Итакъ, что же лежитъ на мнѣ? Почему мнѣ не даютъ утѣшенія причаститься, какъ должно священнослужителю, даже лишаютъ меня во многихъ мѣстахъ возможности причащаться вообще? Душа истекаетъ скорбью...

Я написалъ бы собору, но моя рука не можетъ писать перомъ. Больной, съ путающимися мыслями и памятью, я не могу писать правильно и убѣдительно, а того, на какіе вопросы, о чемъ мнѣ нужно дать отвѣты,—я рѣшительно не представляю.

Старосбрядческій епископъ *Михаилъ*.

27 августа, глубокое утро.

P. S. Пишу троимъ, потому что изъ свѣтскаго состава собора у меня нѣтъ (или не припоминается) знакомыхъ. Не могу выразить, какъ тяжело для меня рѣшеніе собора, лишаящее меня возможности проповѣди, ибо какъ можно проповѣдовать настолько недостойному, что десяти лѣтъ было мало для его покаянія? Не могу писать... У епископовъ прошу прощенія, если кто, узнавъ о содержаніи письма, сочтетъ его обиднымъ: гнѣва и неудовольствія ни на кого не имѣю, жалѣю только себя.

Михаилъ.

На письмо еп. Михаила.

Что можно сказать на это письмо?.. Право, не придумаешь. Что-то невозможное творится у насъ. Наша редакція, если можно такъ выразиться, осаждается письмами читателей, интересующихся судьбою еп. Михаила и негодующихъ на то положеніе, въ которомъ еп. Михаила держатъ наши епископы. Если бы обнародовать эти письма, то это было бы очень рѣзко и едва ли изъ-за этого не заварится крутая каша, которую скоро не сварить. На всѣ запросы людей интересующихся, чѣмъ собственно виноватъ еп. Михаилъ, мы отвѣтили въ журналѣ по той совѣсти, которая лежала въ нашей душѣ, различными статьями, относя-

щимися къ этому вопросу, моею въ № 8, еп. Михаила въ №№ 5, 6 и 7, о. А. Старкова и раньше и теперь, а также и другими въ прежнее время. Мы не давали дѣлу свою только личную окраску, а старались и мнѣнія другихъ также огласить, дабы христiанинъ зналъ и за, и противъ. И изъ всѣхъ этихъ статей все-таки вытекало и съ очень большой ясностью, что не за что держать этотъ свѣтильникъ подъ спудомъ; пора поставить его на свѣщникъ, „да свѣтитъ всѣмъ сущимъ въ храминѣ“.

Мы передъ послѣднимъ соборомъ очень настойчиво долбили въ печати о необходимости разсмотрѣть дѣло еп. Михаила на соборѣ и сложить съ него запрещеніе. Запрещеніе по меньшей мѣрѣ ненужное. Мы знали, что къ собору уже были просьбы о разсмотрѣніи этого дѣла и вѣрили, что при нынѣшнемъ управленіи св. церковью вопросъ этотъ пройдетъ благопріятно.

Но оказывается, мы жестоко ошиблись: вопроса даже на повѣстку не поставили. Епископа Михаила на соборъ не пригласили. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію собора, разсматриваетъ „комиссія при архіепископѣ“. Она составляетъ списокъ и даетъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на соборѣ. Она-то и исключила это дѣло изъ числа подлежащихъ разсмотрѣнію. И это понятно: защитниковъ еп. Михаила въ составѣ комиссіи не было, если не считать Ѡ. Е. Мельникова, который на этотъ-то разъ и былъ, кажется, главною причиною того, что это дѣло не попало на повѣстку. Да и не кажется это только, но и самъ онъ въ этомъ мнѣ признавался на соборѣ, мотивируя, что онъ потому стоялъ противъ разсмотрѣнія дѣла, что еп. Михаилъ самъ объ этомъ не проситъ. Меня и В. Е. Макарова, еще въ 1912 г., покойный архіепископъ исключилъ изъ этой комиссіи какъ кандидатовъ, зная насъ какъ людей независимыхъ во взглядахъ и, не зря на лица, говорящихъ правду, а потому конечно нежелательныхъ. Тамъ нужны люди другого типа.

И удивительна святая простота еп. Михаила: не зная, какъ Ѡ. Е. относится къ нему, онъ на его-то имя и прислалъ во время собора телеграмму съ извиненіемъ, что не могъ прибыть на соборъ.

— Подвелъ меня онъ этой телеграммою, сказалъ мнѣ Ѡ. Е., я же въ комиссіи говорилъ, что онъ не нуждается, не интересуется своимъ дѣломъ, а онъ мнѣ телеграмму прислалъ. Вотъ чудакъ!..

И ему же заадресовалъ епископъ Михаилъ свой вопль разбитаго сердца и разбитыхъ надеждъ на служеніе церкви Христовой... Конечно, не знаетъ онъ, что Ѡ. Е. по отношенію къ нему уже не тотъ. Я не знаю, какъ отнесся къ этому рыданію разбитой души Ѡ. Е., прочитавши его, но не думаю, чтобы онъ понялъ тѣ муки нравственныхъ страданій, пытокъ, которыя переживаетъ еп. Михаилъ, но я знаю, что у Ѡ. Е. уже скопился рядъ причинъ, чтобы если не обвинять еп. Михаила, то хотя бы не защищать, не интересоваться этимъ дѣломъ. Мнѣ онъ говорилъ, что еп. Михаилъ самъ во многомъ виноватъ: живетъ вдали отъ насъ, въ средѣ намъ

чуждой, ведетъ жизнь мірскаго человѣка. Конечно, это въ извѣстной степени справедливо... но... не мы ли въ этомъ виноваты?.. Принявъ его, чѣмъ мы его встрѣтили: ласкою? привѣтомъ? гостепріимствомъ?.. Нѣтъ, конечно... Дубиною, и прямо по уму и сердцу. Оглушивъ, мы до сихъ поръ продолжаемъ добивать его, стараясь не дать ему притти въ себя, опомниться, такъ-сказать... Если бы хотѣли его принять по-христіански, мы бы наложили на него испытаніе, да пригласили бы его пожить или въ монастырѣ, или въ епископіи какой—подъ руководствомъ кого-либо изъ епископовъ и несомнѣнно—онъ охотно согласился бы. Вотъ хоть бы тотъ случай—„обученія его древле-церковнымъ обрядамъ“, что вмѣнили ему въ обязанность соборомъ 1909 г. подъ наблюденіемъ архіепископа, использовать, и дѣло прошло бы прекрасно! Вѣдь подчинялся же онъ канонической дисциплинѣ и искалъ этого обученія и режима... Но вѣдь этого не хотѣли! Хотѣли другого. Хотѣли такъ или иначе изгнать человѣка изъ своей среды, не допустить въ свою среду, а открыто, честно изгнать, сказать причину его нежелательности стыдились, смѣлости нехватало: причина-то некрасива! Ну и прятались за каноны церкви, стараясь обвинить невиннаго и задушить его благія стремленія.

Не въ канонахъ тутъ дѣло... а въ человѣческихъ стремленіяхъ... Сознаться-то въ нихъ не сознаются, а проводить-то проводятъ на дѣлѣ.

Итакъ, не въ немъ вина, что онъ вдали отъ насъ.

Онъ искалъ и продолжаетъ искать единенія, но его отталкиваютъ. Его гонятъ отъ себя. И не Ѳедору Еѳимовичу этого не понимать.

Вотъ его вопль... Вопль надорванной, надломленной души... Души, ищущей единенія и не знающей, какъ къ этому единенію подойти. Вотъ онъ взываетъ къ намъ. Онъ проситъ защиты у насъ... помощи... А что мы можемъ дать?.. Какое вліяніе мы можемъ имѣть на людей, смотрящихъ на насъ весьма подозрительно съ точки зрѣнія ихъ „личнаго“ древле-православія, точнѣе—съ ихъ личной точки зрѣнія на старообрядчество, какъ религію фетишизма? Вѣдь совсѣмъ не секретомъ становится день ото дня, что мы, люди, смотрящіе на старообрядческую церковь, какъ церковь, ближе всѣхъ стоящую къ идеалу христіанской церкви, становимся чужды людямъ, смотрящимъ на старообрядчество съ точки зрѣнія самодовлѣющаго въ обрядахъ своихъ, а больше того съ точки зрѣнія личныхъ, себялюбивыхъ цѣлей. Какое можетъ быть наше вліяніе на нашихъ братьевъ, начетчиковъ хотя бы того типа, которые говорятъ: „На нашъ вѣкъ дураковъ хватить, а тамъ хоть потопъ“... Мы на религію такъ смотрѣть не можемъ. Мы не можемъ смотрѣть на нее съ точки зрѣнія коммерческой. Для насъ она вѣчный идеалъ, вѣчное стремленіе къ самосовершенствованію и совершенствованію человѣчества въ его цѣляхъ упорядоченія жизни человѣчества, устроенія ея къ жизни въ Богѣ, къ достиженію царства Божія на землѣ какъ и на небѣ, по молитвѣ Господней: „Да прійдетъ царствіе Твое... яко на небеси и на земли“. Мы не можемъ смотрѣть на обряды какъ на

самодовлѣющую цѣль. Обряды для насъ святы, почтенны, но они только средство къ достиженію цѣли, а не сама цѣль. Мы ихъ чтимъ, выполняемъ, но не смотримъ на нихъ какъ на фетишъ, какъ на идола, которому должны поклоняться, какъ Богу. Мы чтимъ установленія церкви, мы чтимъ іерархію. Но не можемъ мы смотрѣть на іерархію, какъ на кумиръ какой, для насъ она необходима, почтенна, но не безъ разсмотрѣнія ея дѣйствій... Мы руководимся словами св. Василія: „Человѣкъ разумная овца, а не неразумная. Не можетъ онъ сказать: не мое дѣло, куда ведетъ меня пастырь... Если овца, не слѣдующая за добрымъ пастыремъ, выставлена на свою погибель волкамъ, то овца, слѣдующая злему пастырю, имѣетъ предъ собою смерть“ *).

Не можемъ мы, какъ люди, понимающіе достоинство христіанской нелицепріятности, пресмыкаться, льстить и заискивать, продавая христіанское первородство свое за чечевичную похлебку благоволенія людей, стоящихъ на какой-либо ступенькѣ общественной лѣстницы, повыше. Хотя, конечно, не изъ-за гордости, а по ненадобности этого пресмыкательства и вредности его какъ для самого пресмыкающагося, такъ и для того, предъ кѣмъ пресмыкаются и чье ухо ласкаютъ льстивыми рѣчами. Пусть это дѣлаютъ тѣ, которые за ласковое слово и брошенную копѣйку все готовы продать, всему готовы служить. Но мы по чувству христіанственности не можемъ на это пойти. Вотъ поэтому-то мы и не можемъ вліять сильно въ защиту кого-либо предъ этими людьми.

Въ этомъ-то мы такъ и повинны!..

Насъ самихъ отгѣсняютъ все дальше и дальше отъ нашей природной среды. Насъ годъ отъ году удаляютъ отъ общественныхъ дѣлъ. Насъ самихъ стараются увѣрить, что не старообрядцы мы. Это ничего, что мы чтимъ старые обряды, хранимъ посты, не куримъ, не пьянствуемъ, носимъ длинныя бороды и волосы, одѣваемся въ кафтаны и т. д. *На этотъ разъ не въ этомъ дѣло! Дѣло въ томъ, что нельзя старообрядчество считать истиннымъ христіанствомъ въ первую голову, а надо, во-первыхъ, считать его старообрядчествомъ, а христіанствомъ можно, но необязательно.*

И дѣйствительно надо признать: если зайти съ этой точки зрѣнія, то они правы. Мы ужъ не тѣ, что они... Это ничего, повторяю я, что мы сдѣлали маленькій шагекъ впередъ ко Христу, а они поотстали; это-то какъ разъ и не заслуга, а порокъ. Этого не надо дѣлать, надо быть въ уровень съ массою, а еще лучше, если отъ нея поотстать.

Итакъ, если мы нежелательны, чуть-чуть отшагнувшіе впередъ, то само собою разумѣется, на что же намъ нуженъ „профессоръ“, человѣкъ

*) Аксаковъ. Духа не угашайте, стр. 73.

съ очень большимъ шагомъ впередъ ко Христу, каковъ есть еп. Михаилъ? Ну и надо держать его подъ запрещеніемъ.

Его держать подъ запрещеніемъ въ цѣляхъ,—не причинилъ бы онъ вреда св. церкви; не произвелъ бы онъ смуты какой, раскола... И причиною къ тому выставляютъ правило, карающее епископовъ, не отправившихся къ мѣсту назначеннаго служенія. Правда, правило такое есть, но оно направлено противъ злоупотребленій, а не случайности, и при томъ случайности неодолимой. Вѣдь извѣстно—не по своей волѣ еп. Михаилъ возвратился съ пути къ мѣсту назначенія и не по своей волѣ не поѣхалъ вторично. Это первое. А потомъ: удивительно—люди неспособны обозрѣть себя кругомъ, т.-е. оглянуться на свои поступки и на свою всегдашнюю защиту нарушенія каноновъ церкви съ выгодой для пользы св. церкви. Развѣ мало мы оправдываемъ нарушенія правилъ—защищаясь отъ нападкомъ миссіонеровъ? Развѣ мы не ссылаемся на рядъ историческихъ примѣровъ нарушенія правилъ: тѣхъ же самовольныхъ переходовъ съ кафедры на кафедру, вторженія въ области чужой епархіи, рукоположеній въ чужой епархіи, единоличныхъ рукоположеній и т. д., и т. д. безъ конца?.. Почему тамъ такое снисхожденіе, а здѣсь жестокость? Жестокость безъ всякой уступки въ сторону христіанскаго милосердія и, наконецъ, выгоды св. Христовой церкви.

Развѣ это не уподобленіе тѣмъ египетскимъ епископамъ, что на второмъ вселенскомъ соборѣ устранили св. Григорія отъ предсѣдательства на этомъ соборѣ, обвиняя его въ томъ, что онъ вмѣсто Сасима, куда былъ рукоположенъ, оказался въ Константинополѣ? Они это мотивировали нарушеніемъ канона церкви, а на самомъ дѣлѣ дѣлали это изъ побужденій зависти. И развѣ не о нихъ, въ великомъ прискорбіи отъ этой несправедливой обиды, выразился св. Григорій, что они на соборѣ „аки гуси гогочуть и аки жеравли скрипяще другъ друга пхаютъ“ *), а въ другомъ мѣстѣ обозвалъ ихъ „стаей крикливыхъ галокъ“ **).

Столько лѣтъ еп. Михаилъ несетъ кару. Безропотно, благопокорливо. Никакихъ поступковъ ни противъ дисциплины, ни противъ св. церкви не обнаруживаетъ, и все-таки его мучаютъ запрещеніемъ, и держатъ вдали отъ своей среды. Въ чемъ причина?

Вѣдь если бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы уже давно причинить предполагаемое зло. Развѣ его запрещеніе мѣшаетъ этому? Развѣ вообще-то когда-либо, какому-либо самовольнику, не только запрещеніе, но даже изверженіе изъ сана, мѣшало самовольничать и отторгать людей вслѣдъ за собою? Развѣ древніе еретики не лишались сановъ? Не отлучались отъ церкви? Не предавались проклятію?..И развѣ потомъ не приходилось церкви признавать и ихъ и ихъ послѣдователей въ сущихъ санахъ? Да что

*) Бароній л. 381, ч. 14.

**) Дѣян. всел. соб. т. II. Письмо св. Григорія, и въ его твореніяхъ.

древніе раскольники, возьмите нашихъ Антоніевъ вторыхъ: развѣ они не запрещались? Развѣ они не отлучались? А они дѣлали свое дѣло—и за ними шли люди, идутъ и теперь. А церковь принуждена покрывать ихъ безумства своею любовью.

Ясно, что ничто не мѣшаетъ еп. Михаилу поступать такъ же, но не желаетъ онъ этого. Онъ напротивъ съ отчаяннымъ терпѣніемъ ожидаетъ справедливости и законнаго единенія во Христѣ со Св. Церковью. Развѣ можно думать, что у него послѣдователей не найдется?.. Найдутся, многіе, и притомъ лучшіе, искренніе христіане...

Такъ не искушайте же терпѣнія. Не толкайте людей на раздоръ и не навлекайте горя на церковь Христову. Довольно тиранить ее раздорами.

Понять необходимо: раздоръ этотъ будетъ законенъ, потому что съ еп. Михаиломъ поступаютъ не по-христіански, жестоко и главное—безцѣльно. Поступаютъ не *во благо Св. Церкви, а во вредъ*.

Если было нарушеніе канонівъ—оно искуплено епитиміей наказанія, а другихъ причинъ нѣтъ.

Развѣ только побужденія... зависти.

Но этого не должно же быть!

Епископу же Михаилу мы посовѣтуемъ еще потерпѣть, пождать, а пока что—постараться приблизиться къ нашей средѣ не только духомъ, но и тѣломъ, т.-е. устроиться гдѣ-либо въ монастырѣ. Я не сомнѣваюсь, мѣсто въ монастырѣ всегда найдется, и есть епископы горячо ему сочувствующіе, которые охотно согласятся принять его въ одинъ изъ монастырей своей епархіи.

Это отниметъ послѣдніе мотивы держать его подъ запрещеніемъ. Нельзя же въ наши плачевные дни всеобщаго паденія вѣры держать такой свѣтильникъ подъ спудомъ.

Это не позоръ только, намъ очевидно на позоръ-то плевать, но это слишкомъ невыгодно для дѣла Христа.

Н. Зенинъ.

Къ чему же все это свелось.

Смерть киръ Іоанна, архіепископа московскаго, поставила передъ старообрядчествомъ на очередь весьма важный и притомъ довольно острый вопросъ объ избраніи достойнаго замѣстителя кафедры архіепископіи московской.

Строительство жизни древлеправославной церкви въ ея современномъ существованіи очень сильно зависитъ отъ личности архіепископа, отъ его способностей, отъ его дѣятельности. Вотъ почему вся Русь старообрядческая тотчасъ же и заволновалась вопросомъ подысканія достойной личности и объединенія мыслей народа на достойномъ избранникѣ.